

М. П. Драгомановъ

и вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ.

(Нъ годовщинѣ смерти).

I.

Значеніе М. П. Драгоманова для культурнаго подъема, политическаго пробужденія и развитія національнаго самосознанія Украйны неизмѣримо.

Оцѣнить его въ короткой журнальной статьѣ было бы совершенно невозможно ¹⁾. Достаточно указать на то, что М. П. Драгомановъ первый послѣ Кирилло-Меѳодіевскаго братства выдвинулъ и развилъ широкую украинскую политическую программу, доказавъ, что нужды украинскаго народа могутъ быть вполнѣ удовлетворены только при созданіи въ Россіи федеральнаго государственнаго строя. Затѣмъ, послѣ изданія указа 1876 года, запрещавшаго украинскую литературу, онъ, основавъ въ Женевѣ вольную украинскую типографію, больше всѣхъ способствовалъ тому, чтобы украинское слово не было задушено и не замерло, а, наоборотъ, развилось и расширилось. Благодаря его литературной и издательской дѣятельности въ Женевѣ, къ уже существовавшей тогда украинской художественной и популярной литературѣ присоединилась публицистическая и чисто научная литература на украинскомъ языкѣ. Далѣе, способствуя еще съ самаго начала семидесятыхъ годовъ тому, чтобы украинцы писали въ галицкихъ органахъ, и самъ, дѣятельно работая въ первомъ галицко-украинскомъ или, вѣрнѣе, первомъ общеукраинскомъ органѣ „Правда“, основанномъ при энергичномъ содѣйствіи П. А. Кулиша, М. П. Драгомановъ первый въ печати высказалъ идею о томъ, что

¹⁾ Краткій очеркъ, впрочемъ выходящій изъ предѣловъ обыкновенной журнальной статьи, даетъ Б. А. Кистяковскій. „М. П. Драгомановъ. Его политическіе взгляды, литературная дѣятельность и жизнь“ въ качествѣ предисловія къ книгѣ: М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія, т. I. Въ ней указана и остальная литература о Драгомановѣ. По поводу нея появилось нѣсколько критическихъ статей. Интересъ представляютъ только статьи М. Павлика въ галицкой газетѣ „Діло“. Теперь онѣ изданы и отдѣльной брошюрой—М. Павлик. М. П. Драгоманов, як політик. Львів. 1911.

украинцы должны бороться съ цензурнымъ запретомъ украинской литературы въ Россіи путемъ перенесенія своей литературной дѣятельности въ австрійскую Галицію. Въ пользу осуществленія этой идеи онъ затѣмъ повелъ систематическую агитацію въ печати. Какъ извѣстно, эта идея скоро пріобрѣла широкую популярность на Украинѣ и благодаря дружной работѣ украинскихъ литературныхъ силъ на галицкой почвѣ въ восьмидесятыхъ и особенно въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія дѣйствіе указа 1876 года подъ конецъ фактически было парализовано. вмѣстѣ съ тѣмъ М. П. Драгомановъ изъ всѣхъ русскихъ украинцевъ, если не считать, конечно, художниковъ слова и особенно нашего гениальнаго поэта Шевченка, оказалъ, въ XIX столѣтіи наибольшее вліяніе на культурное, политическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національное развитіе галицкихъ украинцевъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т.-е. только въ отношеніи вліянія на національное развитіе галицкихъ украинцевъ, съ М. П. Драгомановымъ могли бы поспорить лишь П. А. Кулишъ и особенно А. Я. Ковискій. Но, въ то время какъ вліяніе послѣдняго послѣ его смерти все уменьшалось и падало, а скоро и совсѣмъ прекратится, тѣмъ болѣе, что онъ нигдѣ не изложилъ своихъ національно-политическихъ идей систематически, вліяніе М. П. Драгоманова благодаря цѣлому ряду обстоятельствъ—переизданію его работъ, напечатанію нѣкоторыхъ, ранѣе неизвѣстныхъ его изслѣдованій, выходу теперь уже болѣе десяти томовъ его переписки и, наконецъ, самоотверженной дѣятельности его послѣдователя М. Павлика—продолжаетъ расти и увеличиваться даже въ XX столѣтіи. Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что ни одинъ украинецъ,—мы онять исключаемъ нашихъ поэтовъ и говоримъ о минувшемъ столѣтіи,—не способствовалъ въ такой мѣрѣ культурно-національному объединенію украинцевъ, принадлежащихъ къ различнымъ государствамъ, какъ М. П. Драгомановъ.

Если мы перейдемъ къ дальнѣйшимъ заслугамъ М. П. Драгоманова передъ Украиной, то мы должны затѣмъ отмѣтить, что онъ своими научными трудами поднялъ изслѣдованіе памятниковъ нашей народной словесности на такую высоту, что пріобрѣлъ себѣ европейскую научную славу въ кругахъ ученыхъ специалистовъ по

фольклору. Здѣсь особенно заслуживаетъ упоминанія его работа надъ политическими пѣснями украинскаго народа, которую онъ началъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ В. Б. Антоновичемъ, а затѣмъ продолжалъ одинъ въ Женевѣ. Одновременно съ ознакомленіемъ европейскаго научнаго міра съ произведеніями украинской народной словесности и ихъ научной разработкой онъ распространялъ и въ широкихъ кругахъ европейской читающей публики свѣдѣнія о художественной украинской литературѣ и культурно-національномъ возрожденіи Украины въ XIX столѣтіи. Для этого онъ выступалъ на литературныхъ конгрессахъ,—напр., въ Парижѣ и Вѣнѣ,—съ докладами (причемъ его докладъ на парижскомъ конгрессѣ печати 1878 года объ украинской литературѣ и цензурномъ запретѣ ея указомъ 1876 г. былъ напечатанъ и отдѣльной брошюрой), а также помѣстилъ цѣлый рядъ статей въ различныхъ французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ изданіяхъ. Слѣдовательно, онъ былъ начинателемъ того дѣла, которое теперь уже болѣе десяти лѣтъ ведется систематически благодаря изданію сперва „Ruthenische Revue“, а теперь „Ukrainische Rundschau“. Такъ же точно М. П. Драгомановъ въ теченіе тридцати лѣтъ, съ 1865 по 1895 г., болѣе кого бы то ни было сдѣлалъ для ознакомленія русскаго общества съ украинскимъ движеніемъ и нуждами украинскаго народа. Его многочисленныя статьи, посвященныя этимъ вопросамъ, должны составить довольно значительную часть, къ сожалѣнію, еще только начатаго четырехтомнаго собранія его статей, издающагося подъ общимъ заглавіемъ „Политическія сочиненія“. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ М. П. Драгомановъ долгое время почти одинъ дѣлаетъ то, для чего теперь создаются цѣлые органы печати, какъ „Украинскій Вѣстникъ“ и „Украинская Жизнь“.

Наконецъ, послѣ того, какъ еще Н. И. Костомаровъ въ своемъ письмѣ въ „Колоколъ“ Герцена указалъ на неправильность взглядовъ, высказывавшихся даже нѣкоторыми наиболѣе прогрессивными представителями сосѣднихъ съ украинскимъ великорусскаго и польскаго народовъ относительно народа украинскаго и желательныхъ для него формъ и путей развитія¹⁾, М. П. Драгомановъ первый далъ систе-

¹⁾ См. А. Хатченко. Герценъ и Украина. „Украинская Жизнь“, 1912 г., кн. 4, стр. 26.

матическій обзоръ и критику этихъ, продиктованныхъ по большей части неосвѣдомленностью, а иногда завоевательными и эксплуататорско-пріобрѣтательными инстинктами, стремлений нашихъ сосѣдей. Въ своемъ сочиненіи „Историческая Польша и великорусская демократія“, посвященномъ этому вопросу, М. П. Драгомановъ развилъ также принципы нормальной организаціи сосѣднихъ отношеній между украинскимъ народомъ съ одной стороны и великорусскимъ и польскимъ народомъ—съ другой. Если не такъ систематически, то не менѣе опредѣленно онъ указалъ на единственно справедливые принципы, которые надо положить въ основаніе регулированія отношеній между украинскимъ народомъ и народами, живущими среди него небольшими островками, т.-е. между украинскимъ большинствомъ и инородческимъ меньшинствомъ; причѣмъ эти указанія онъ далъ еще тогда, когда вопросъ о справедливомъ отношеніи къ инородческому меньшинству теоретически не ставился даже въ Австріи, т.-е. въ странѣ болѣе культурной, чѣмъ Россія, и обладающей болѣе справедливой конституціей. Въ частности, онъ настойчиво совѣтовалъ украинцамъ способствовать возникновенію и развитію національнаго самосознанія среди еврейскихъ народныхъ массъ, высказывая эти совѣты въ то глухое для еврейскаго народа время, когда на Украинѣ не существовало еще еврейскаго національнаго движенія.

Это голое перечисленіе того, что сдѣлалъ М. П. Драгомановъ для Украйны, показываетъ, какъ обширна, какъ поразительно разнообразна была его дѣятельность. Каждая изъ этихъ сторонъ заслуживала бы спеціальнаго изслѣдованія, и ни одно изъ этихъ изслѣдованій не вмѣстилось бы въ рамкахъ средней журнальной статьи. Мы и не можемъ дѣлать предметомъ нашего очерка какую-нибудь изъ этихъ сторонъ дѣятельности М. П. Драгоманова въ ея цѣломъ. Для него мы избрали болѣе скромную задачу, именно—ознакомленіе читателей со взглядами М. П. Драгоманова на вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ. Среди другихъ вопросовъ украинства этотъ вопросъ въ данный моментъ особенно выдвинуть у насъ въ прессѣ и возбуждаетъ живой интересъ въ нашемъ обществѣ благодаря появленію въ журналѣ „Русская Мысль“ статьи нѣкоего Украинца, посвященной ему. Но, повидимому, не статья въ „Русской Мысли“ выдвинула

этотъ вопросъ, а, напротивъ, вопросъ этотъ выдвинулъ статью, такъ какъ сама по себѣ статья Украинца довольно слаба и носитъ случайный характеръ. Вѣроятно, вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ поставленъ самою украинской общественной жизнью, дѣйствительно, на первое мѣсто, или по крайней мѣрѣ онъ долженъ быть поставленъ на порядокъ дня, какъ самый неотложный и насущный вопросъ украинства для даннаго времени. Поэтому мы и считаемъ своевременнымъ изложить по возможности полно глубоко-вѣрные взгляды на этотъ вопросъ, которые высказалъ въ свое время М. П. Драгомановъ.

II.

Наиболѣе цѣльно изложилъ М. П. Драгомановъ свои взгляды на вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ въ двухъ послѣднихъ своихъ крупныхъ публицистическихъ работахъ, озаглавленныхъ „Мысли чудака объ украинскомъ національномъ вопросѣ“ („Чудацькі думки про українську національну справу“) и „Письма на Приднѣпровскую Украину“ („Листи на Наддніпрянську Україну“). Поводъ къ возникновенію этихъ работъ подалъ обсуждавшійся тогда въ украинской прессѣ вопросъ о значеніи русской литературы для украинскаго національнаго развитія. Но по своему содержанию онъ далеко вышли за предѣлы первоначально поставленной темы, и самъ М. П. Драгомановъ въ предисловіи ко второй части своихъ „Писемъ на Приднѣпровскую Украину“ говоритъ, что въ этихъ двухъ работахъ „изложена до извѣстной степени цѣльная система мыслей объ украинскихъ національныхъ задачахъ—общественныхъ и литературныхъ“¹⁾.

Если для нѣмцевъ и итальянцевъ въ прошломъ столѣтіи національный вопросъ былъ вопросомъ ихъ политическаго объединенія, то для украинцевъ онъ былъ и до сихъ поръ остается въ первую очередь и по преимуществу вопросомъ ихъ культурнаго подъема и развитія. Конечно, въ украинскомъ національномъ движеніи есть и очень важная политическая и социальная сторона. Онъ сознавались съ первыхъ моментовъ украинскаго національнаго возро-

¹⁾ М. Драгомановъ. Листи на Наддніпрянську Україну. Виданье редакції „Народа“. Коломия, 1894, стр. 98. Здѣсь и вездѣ ниже мы переводимъ слова М. П. Драгоманова съ украинскаго на русскій языкъ.

жденія и еще въ первую половину XIX столѣтія были вполне выяснены и изложены въ стройной системѣ соціально-политической программы Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Однако, мы этой соціально-политической стороны украинскаго вопроса не будемъ касаться здѣсь, тѣмъ болѣе, что и М. П. Драгомановъ въ своихъ вышеназванныхъ публицистическихъ произведеніяхъ хотя и не обошелъ ее совсѣмъ,—иначе они не могли бы въ себѣ заключать „цѣльной системы мыслей объ украинскихъ національныхъ задачахъ“,—но не остановился на ней специально и не разсмотрѣлъ ее подробно. Напротивъ, свои взгляды на соціально-политическія задачи украинства М. П. Драгомановъ развилъ главнымъ образомъ въ своихъ доступныхъ для русскаго читателя публицистическихъ работахъ на русскомъ языкѣ, именно въ „Исторической Польшѣ и великорусской демократіи“ и въ „Вольномъ Союзѣ“. Это обстоятельство чрезвычайно характерно для всего украинскаго національнаго міровоззрѣнія М. П. Драгоманова, а также для того времени, когда онъ дѣйствовалъ. Далѣе мы увидимъ, что честь вполне опредѣленно высказать и развить въ печати идею о томъ, что украинское движеніе въ первую очередь и по преимуществу является движеніемъ культурнымъ, принадлежитъ тоже М. П. Драгоманову, а вовсе не какому-то Украинцу изъ „Русской Мысли“. Правда, М. П. Драгомановъ не употребляетъ такъ часто терминъ „культура“ и „культурный“, какъ мы привыкли его употреблять за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ. Онъ говоритъ въ этихъ случаяхъ иногда описательно; настаиваетъ на извѣстныхъ литературныхъ и просвѣтительныхъ задачахъ украинства и указываетъ на то, что украинство имѣетъ смыслъ только какъ прогрессивное и демократическое движеніе.

Если мы теперь перейдемъ къ самимъ взглядамъ М. П. Драгоманова, на вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ, то прежде всего мы должны отмѣтить, что въ своихъ „Мысляхъ чудака объ украинскомъ національномъ вопросѣ“ онъ выступаетъ противъ формальнаго націонализма. На основаніи цѣлаго ряда историческихъ примѣровъ, онъ указываетъ на то, что „государственно-національное единство не всегда ведетъ къ большей свободѣ и національная идея можетъ быть причиною и насилій надъ людьми и большой несправедливо-

сти“¹⁾). И далѣ онъ резюмируетъ свой взглядъ на формальный націонализмъ въ словахъ: „сама по себѣ національная идея не можетъ еще привести людей къ свободѣ и справедливости для всѣхъ и даже не можетъ дать руководящей нити для правильнаго устройства хотя бы только государственныхъ отношеній“²⁾). Изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что мы въ своемъ украинскомъ національномъ движеніи „станемъ на чрезвычайно зыбкую почву, если откажемся отъ ясныхъ идей всемірнаго гуманизма, которыя только и могутъ дать безусловно прочную основу нашимъ стремленіямъ къ національной свободѣ и прикнемъ къ старозавѣтному принудительному націонализму“³⁾). Въ другомъ мѣстѣ, въ своихъ „Письмахъ на Приднѣпровскую Украину“, онъ болѣе подробно развиваетъ эти мысли. По его словамъ, „мы не можемъ искать себѣ руководящихъ идей для общественной работы, культурной, политической и соціальной, въ національныхъ чувствахъ и интересахъ, такъ какъ иначе мы запугались бы во всевозможныхъ „субъективностяхъ“, въ лѣсу историческихъ традицій и т. п. Мы ищемъ такихъ руководящихъ и контролирующихъ идей въ научныхъ выводахъ и интересахъ интернаціональныхъ, общечеловѣческихъ. Идя этимъ путемъ, мы, говоря кратко, отрицаемъ не національности, а націонализмъ, особенно тотъ, который самъ себя противопоставляетъ человечеству или космополитизму. Мы не признаемъ принудительныхъ взглядовъ и чувствъ, которые хотятъ выдавать за національныя святыни, а особенно протестуемъ противъ ненависти къ другимъ національностямъ“⁴⁾). Затѣмъ далѣ въ томъ же публицистическомъ очеркѣ онъ даетъ сжатую формулу своей украинской національной программы, которую онъ всегда проводилъ въ своей дѣятельности и которую здѣсь онъ печатаетъ жирнымъ шрифтомъ. Она выражается въ словахъ: „космополитизмъ въ идеяхъ и цѣляхъ, національ-

¹⁾ М. Драгоманов. Чудацькі думки про українську національну справу. Друге виданье. Накладомъ Івана Франка. Львів. 1892, стр. 28. Этотъ и слѣдующій отрывокъ напечатаны въ подлинникѣ разрядкой.

²⁾ Тамъ же, стр. 30.

³⁾ Тамъ же, стр. 42.

⁴⁾ М. Драгоманов. Листи на Наддніпрянську Україну. Коломия, 1894, стр. 67. Разрядка вездѣ подлинника.

ность въ почвѣ и формахъ культурной работы!“¹⁾.

Въ отвѣтъ на возникшій изъ недоразумѣнія упрекъ, который дѣлали М. П. Драгоманову, что, отрицая формальный націонализмъ, онъ отрицаетъ и національность, онъ говорить о себѣ: „Национальности я признаю, а только борюсь съ национализмомъ, т.-е. съ принужденіемъ придерживаться извѣстныхъ чувствъ и мыслей (политическихъ и культурныхъ) на томъ основаніи, что они національны или чаще считаются таковыми“²⁾. Объясняетъ онъ свое уваженіе къ національности и къ связанному съ нею національному патриотизму соображеніемъ, выраженнымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я не только не думаю издѣваться надъ этнографическимъ патриотизмомъ, но и очень цѣню его, какъ одинъ изъ устоевъ солидаризаціи между людьми; однако, я думаю, что имъ однимъ люди не могутъ жить; къ нему надо прибавить еще кое-что“³⁾. Но если М. П. Драгомановъ отрицалъ въ качествѣ признаковъ украинской національности то, что украинскіе націоналисты считали національными святынями,— а критикъ теоріи такъ-называемыхъ национальныхъ святынь онъ посвятилъ цѣлую главу въ первомъ изъ выше-названныхъ своихъ публицистическихъ произведеній⁴⁾,— то въ чемъ же онъ видѣлъ признаки національности вообще и украинской въ частности? На этотъ вопросъ онъ, конечно, не могъ дать окончательнаго и полнаго отвѣта; зато онъ показываетъ, какъ проблема о сущности національности ставится въ современной европейской наукѣ. О признакахъ національности онъ говорить, что „теперь многое изъ того, что считалось когда-то національнымъ, признано общимъ всѣмъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія или даже продуктомъ интернаціональнаго процесса, который начался уже давно“. По его словамъ, „наука о національности должна теперь установить, что въ извѣстныхъ признакахъ націи постоянно, болѣе или менѣе біологично, а что измѣнчиво. Поэтому нужно еще много научной работы, произведенной самымъ широкимъ всемірно-сравнительнымъ методомъ, чтобы получить воз-

1) Тамъ же, стр. 68.

2) М. Драгоманов. Чудацькі думки, стр. 101.

3) М. Драгоманов. Листи, стр. 175.

4) М. Драгоманов. Чудацькі думки, стр. 272—294.

можность сказать что-нибудь определенное о сущности национальности“. Переходя къ вопросу объ украинской націи въ частности, онъ указываетъ на результаты, къ которымъ онъ пришелъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. О себѣ самомъ и своихъ работахъ по этому вопросу онъ говоритъ слѣдующее: „Въ мѣру своихъ силъ я работаю надъ обработкой матеріала для украинской национальной психологіи: въ своихъ изслѣдованіяхъ по народной словесности я постоянно отмѣчаю сходство и отличія украинскихъ произведеній тутъ произведеній другихъ народовъ, или же отмѣняю украинскія варіаціи темъ, взятыхъ у чужихъ народовъ и т. п. Но я не позволю себѣ никакихъ суммарныхъ выводовъ, пока сотни работъ по подобному методу не будутъ сдѣланы въ одной области народной словесности; а есть еще немало и другихъ областей“¹⁾.

Въ связи съ этими взглядами на національность, націонализмъ и космополитизмъ и особенно въ согласіи съ своимъ основнымъ положеніемъ, что національность и ея проявленія, особенно национальный языкъ, должны быть орудіями проведенія гуманитарныхъ или общечеловѣческихъ идей въ тѣ или другія народныя массы, М. П. Драгомановъ излагаетъ и свои мысли о самостоятельной украинской культурѣ. Главнымъ образомъ это мысли о важнѣйшихъ органахъ всякой современной духовной культуры—литературѣ. Къ тому же въ то время украинская литература была почти единственнымъ органомъ украинскаго культурнаго движенія. Такъ какъ поводъ для выступленія М. П. Драгоманова былъ данъ, какъ было указано выше, обсуждавшимся въ то время въ украинской прессѣ вопросомъ о значеніи русской литературы для Украйны, то онъ прежде всего указываетъ на то, что русская литература производитъ обязательное впечатлѣніе не только на русскихъ, но и на всякаго культурнаго челоуѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ она располагаетъ громадной притягательной силой вслѣдствіе разработки общечеловѣческихъ темъ и задачъ, причемъ однако и эта разработка, и самыя темы и задачи естественно и непреднамѣренно приобрѣтають своеобразную

¹⁾ М. Драгоманов. Чудацькі думки, стр. 101.

окраску, создаваемую всей совокупностью великорусской жизни и воспроизводящую психику великоросса въ ея основныхъ чертахъ. Изъ этого М. П. Драгомановъ дѣлаетъ выводъ, что „и наша украинская литература, чтобы сдѣлаться интересной, должна пойти по той же дорогѣ и, отказавшись отъ туманнаго и вреднаго націонализма, приняться за обсужденіе живыхъ вопросовъ, которые теперь озабочиваютъ всѣ просвѣщенные народы“. Далѣе онъ указываетъ на то, что „самое лучшее, что было написано на нашемъ украинскомъ языкѣ, напр., произведенія Квитки, Шевченка, М. Вовчка, Федьковича, Мирнаго, было написано именно такъ же, какъ и произведенія новыхъ русскихъ писателей“¹⁾. По его словамъ, онъ „не разъ и устно, и печатно обращалъ вниманіе на то, что украинская литература до тѣхъ поръ не станетъ на крѣпкія свои ноги, пока украинскіе писатели не будутъ пріобрѣтать всемірныя просвѣтительныя идеи и стремленія непосредственно изъ Западной Европы, а не черезъ Петербургъ и Москву, т.-е. черезъ русскую литературу“. Далѣе, онъ говоритъ, что „уже не одинъ десятокъ лѣтъ мы слышимъ о самостоятельности украинской литературы, объ ея правѣ быть равной русской“, и настаиваетъ на томъ, что это право должно быть осуществлено не на словахъ, а на дѣлѣ путемъ энергичной работы, такъ какъ „въ литературѣ, можетъ-быть, больше, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, право безъ работы, которая даетъ силу, не имѣетъ никакой цѣны“. Затѣмъ онъ анализируетъ факты культурной исторіи Великороссіи и Украйны и объясняетъ, какимъ образомъ съ конца XVII и особенно съ начала XVIII столѣтія произошло такъ, что „Великороссія, будучи болѣе слабой, чѣмъ Украйна, по отношенію къ массовой культурѣ (и, по его мнѣнію, оставаясь таковой до сихъ поръ), превзошла Украйну по отношенію къ культурѣ высшихъ слоевъ общества и благодаря этому перетянула къ себѣ и высшіе слои украинскаго общества“. Изъ этого историческаго урока онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Если мы хотимъ теперь хоть сравняться съ Великороссіей, то напряжемъ всѣ свои силы для того, чтобы хоть въ чемъ-нибудь опередить ея передовые ряды. Теперь, когда русская литература стѣснена цензурой, а наша въ Галиціи можетъ

¹⁾ М. Драгоманов. Тамъ же, стр. 44.

пользоваться большой свободой, самое лучшее время для такого напряженія силъ. Вотъ почему нѣтъ большихъ враговъ будущности нашей національной литературы, чѣмъ всякіе консервативные, клерикальные и т. п. угодовцы“¹⁾).

Вспомнимъ, что М. П. Драгомановъ писалъ все это болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ украинцы сознательно или безсознательно, преднамѣренно или непреднамеренно шли по пути, указанному М. П. Драгомановымъ. Приобрѣтенія, которыя сдѣланы украинской литературой за это время, колоссальны. Мы не будемъ ихъ здѣсь перечислять, а интересующимся предлагаемъ ознакомиться съ самой современной украинской художественной, публицистической и особенно научной литературой. Скажемъ только, что теперь украинская литература въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ можетъ конкурировать съ литературой русской, чѣмъ это было двадцать лѣтъ тому назадъ. Даже отсутствіе конституціонныхъ свободъ въ Россіи въ первыя четырнадцать лѣтъ послѣ того, какъ вышеприведенныя строки были написаны, пошло отчасти на пользу тому, чтобы украинская литература, согласно съ предсказаніемъ и совѣтомъ М. П. Драгоманова, могла конкурировать съ русской, хотя вообще столь позднее введеніе конституціонныхъ свободъ въ Россіи было для украинской культуры не менѣе и даже болѣе гибельно, чѣмъ для русской.

Ш.

Но до сихъ поръ мы говорили только объ одномъ хотя и основномъ органѣ и орудіи всякой культуры, объ украинской литературѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда М. П. Драгомановъ писалъ о задачахъ украинскаго движенія, это былъ и почти единственный органъ украинской культуры. Правда, М. П. Драгомановъ отмѣчаетъ въ качествѣ „громаднаго прибрѣтенія украинства“ въ восьмидесятыя годы прошлаго столѣтія развитіе украинскаго театра. Это развитіе можно считать какимъ-то чудомъ въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 231. М. П. Драгомановъ писалъ свои цитируемыя нами работы не только для русскихъ, но и для галицкихъ украинцевъ. Поэтому онъ вмѣшивался и въ борьбу галицко-украинскихъ политическихъ партій. „Угодовцы“—это галицко-украинская партія, которая возникла въ 1890 году и заключила соглашеніе (угоду) съ поляками. М. П. Драгомановъ рассказалъ о ней русскимъ читателямъ параллельно съ рассказомъ о тогда же возникшей передовой радикальной украинской партіи. См. М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія; статья: „Новыя движенія среди русскихъ галичанъ“.

культурной исторіи народовъ, такъ какъ оно совпало съ моментомъ наибольшаго гоненія на украинство, съ періодомъ упадка всякой общественной дѣятельности и съ господствомъ глухой правительственной реакціи. Кромѣ украинскаго театра, который М. П. Драгомановъ притомъ разсматриваетъ по преимуществу какъ отрасль украинской литературы, онъ въ другихъ мѣстахъ иногда упоминаетъ еще объ украинской музыкѣ и украинскихъ узорахъ въ вышивкахъ; но эти упоминанія носятъ случайный характеръ.

Теперь, спустя двадцать лѣтъ, факты культурнаго развитія Украйны показываютъ, что мы и на украинскій театръ, и на украинскую музыку должны смотрѣть нѣсколько иначе, т.-е. больше обращать вниманія на другую сторону ихъ значенія, чѣмъ какъ это дѣлалъ М. П. Драгомановъ. Театръ и музыка были первыми отраслями новаго украинскаго искусства, развившимися и заявившими о себѣ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ политическаго и соціально-экономическаго существованія украинскаго народа. Теперь онѣ уже не одиноки и не представляютъ изъ себя какой-то случайности или какого-то исключенія. Всѣ отрасли искусства возсозданы новымъ украинскимъ культурнымъ движеніемъ, и въ данный моментъ можно уже сказать, что вся широкая область искусства служить на благо культурнаго подъема Украйны. Не только развились украинская живопись и украинская скульптура, но и возсоздана загнанная въ XVIII столѣтіи русскимъ свѣтскимъ и особенно духовнымъ правительствомъ и совершенно забытая вплоть до послѣднихъ годовъ XIX столѣтія украинская архитектура, о которой во времена М. П. Драгоманова никто не затѣвалъ даже рѣчи. Теперь среди родной природы не только нашъ слухъ ласкаетъ родная рѣчь и родная пѣсня, но и нашъ взоръ отдыхаетъ на родныхъ и милыхъ нашему сердцу формахъ построекъ въ украинскомъ стилѣ. Тѣ глубокія душевныя переживанія, которыя еще два десятилѣтія тому назадъ могла возбуждать въ насъ только украинская хата, бывшая единственнымъ представителемъ украинскаго архитектурнаго стиля, такъ какъ кое-гдѣ еще сохранившіяся старыя украинскія церкви тогда еще нельзя было принимать въ расчетъ,—ихъ никто не зналъ,—теперь эти же переживанія вызываются и новыми крупными постройками. Итакъ, и

этотъ видъ искусства, въ которомъ, какъ говорятъ, больше всего отражается индивидуальная народная душа, возсозданъ и развивается теперь на Украинѣ. Не ведетъ ли это къ тому, что украинцы все больше и больше приобщаются къ общечеловѣческой гуманитарной цивилизаціи, развивая и отчасти вновь создавая свои оригинальныя и самостоятельныя культурныя формы? Не есть ли это выполнение той общей программы украинской культурной дѣятельности, которую выработалъ въ свое время еще М. П. Драгомановъ, хотя, конечно, не всѣ современные культурные дѣятели украинства считаютъ М. П. Драгоманова своимъ духовнымъ руководителемъ, а нѣкоторые даже не знаютъ о вышенамѣченной его программѣ?

Но высокимъ искусствомъ не исчерпывается культурная дѣятельность украинцевъ въ области искусства. Изъ прикладного искусства во времена М. П. Драгоманова обращало на себя вниманіе собираніе украинскихъ вышивокъ и отчасти привлекали къ себѣ интересъ узоры украинскихъ ковровъ и плахтъ. Съ тѣхъ поръ Украина сдѣлала громадный шагъ впередъ, и теперь ведется планомерная дѣятельность для развитія всѣхъ видовъ художественныхъ ремеслъ на Украинѣ. Конечно, пробудить таланты и заставить творить дѣтей простого народа можно только разрабатывая родныя формы, родныя узоры и родной орнаментъ. Такимъ образомъ, земства на Украинѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его руководители не симпатизируютъ, а иногда и враждебно относятся къ украинству, принуждены, если они не хотятъ, чтобы средства, отпускаемая на поддержку кустарной промышленности, пропадали даромъ, содѣйствовать развитію украинскаго прикладного искусства.

Съ вопросомъ о развитіи прикладного искусства связанъ и вопросъ вообще о демократизаціи искусства. Украинское національное движеніе по преимуществу демократично, тѣмъ болѣе, что украинскій народъ въ моментъ возникновенія этого движенія состоялъ изъ однихъ только крестьянъ. Поэтому украинцы обращаютъ свое главное вниманіе на то, чтобы произведенія украинскаго культурнаго творчества шли въ народъ и способствовали его культурному подъему. Изъ высокихъ видовъ искусства въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. не включая въ него художественной литературы, наибольшее образовательное значеніе

имѣеть, несомнѣнно, театръ и музыка. Украинскій театръ, какъ постоянное учрежденіе, возникъ среди украинской интеллигенціи, развившись изъ любительскихъ спектаклей. Всѣ прославившіеся съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія украинскіе артисты старшаго поколѣнія, какъ Кропивницкій, Карпенко-Карый, Старицкій, Заньковецкая, Садовскій, Саксаганскій и др., развили свои артистическія дарованія, участвуя въ любительскихъ спектакляхъ, и никакой спеціальной театральной школы не оканчивали. Если въ свое время украинскій театръ пришелъ къ украинской интеллигенціи и вошелъ въ спеціальныя театральныя помѣщенія черезъ любительскіе спектакли, то теперь онъ идетъ въ народъ опять главнымъ образомъ въ видѣ тѣхъ же спектаклей, устраиваемыхъ любителями. Теперь постоянно въ болѣе или менѣе крупныхъ сельскихъ мѣстностяхъ устраиваются украинскіе представленія, участниками которыхъ являются любители не только изъ представителей украинской интеллигенціи, но и въ значительной мѣрѣ изъ рабочихъ и крестьянъ.

На-ряду съ возникновеніемъ украинскихъ любительскихъ труппъ большое культурное значеніе имѣеть и возникновеніе въ украинскихъ сельскихъ мѣстностяхъ любительскихъ оркестровъ и хоровъ. Особенно важна организація и дѣятельность украинскихъ любительскихъ хоровъ. Вмѣстѣ съ традиціонными украинскими „вечерницами“ и славнымъ, особенно своимъ прошлымъ, сословіемъ украинскихъ кобзарей они распространяютъ и поддерживаютъ въ народѣ знаніе и любовь родной поэзіи и пѣсни. Но у украинскихъ любительскихъ хоровъ, организуемыхъ интеллигенціей среди народа, есть и своя собственная громадная культурная задача. Она состоитъ какъ въ томъ, чтобы ознакомить народъ съ произведеніями украинскихъ композиторовъ, принадлежащихъ къ интеллигенціи, такъ и особенно въ томъ, чтобы возвратити народу знаніе пѣсенъ, когда-то имъ самимъ же созданныхъ, но затѣмъ имъ забытыхъ или вполнѣ, или еѣ значительной мѣрѣ, т.-е. или въ большинствѣ мѣстностей, или же въ полномъ видѣ. Такимъ образомъ, тѣ же самыя произведенія народной поэзіи, ознакомленіе съ которыми при пробужденіи интереса къ украинскому этнографическому матеріалу и возникновеніи украинскаго національнаго движенія, по преимуществу вызывали у первыхъ украинскихъ куль-

турныхъ дѣятелей любовь и интересъ къ украинскому народу, къ его историческимъ судьбамъ и его быту, а также порождали у нихъ желаніе и рѣшимость послужить его культурному подъему, теперь эти же народныя поэтическія произведенія, заботливо собранныя и сохраненныя первыми украинскими дѣятелями, должны послужить культурному подъему самого этого народа. Вѣдь такъ же точно, какъ въ теченіе значительной части XIX столѣтія, украинская народная пѣсня вытѣснялась изъ устъ и памяти народа уродливыми по содержанію, языку и формѣ произведеніями фабрично-заводской, лакейской и солдатской поэзіи, такъ теперь происходитъ и все усиливается обратный процессъ вытѣсненія этихъ стбросовъ современной городской культуры чудной украинской пѣсней. Конечно, родная пѣсня не только пробуждаетъ національное самосознаніе въ украинскомъ народѣ, но и воспитываетъ въ немъ любовь и вкусъ ко всему художественному и прекрасному.

Однако украинское національное движеніе ведетъ къ подъему не одной только духовной культуры украинскаго народа. Оно работаетъ и надъ подъемомъ его экономической культуры. Здѣсь опять мы должны констатировать, какъ далеко мы ушли отъ того положенія, въ которомъ было украинское дѣло, когда М. П. Драгомановъ развивалъ свою программу украинской культурно - общественной дѣятельности. Въ семидесятыхъ гсдахъ, когда М. П. Драгомановъ началъ издавать въ Женевѣ украинскій соціально-политическій періодическій сборникъ „Громада“, онъ былъ соціалистомъ радикальнаго революціоннаго направленія. Но уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ рѣшительно и опредѣленно сталъ на сторону соціализма реформаторскаго. При этомъ онъ указывалъ также пути и средства, при помощи которыхъ соціальныя реформы должны подготавливаться и сверху, и,—что особенно важно,—снизу. Но только, обращаясь къ галицкимъ украинцамъ, онъ настаивалъ на томъ, что украинская интеллигенція должна способствовать возникновенію и развитію снизу различныхъ формъ экономической организациі среди народа. Украинцамъ въ Россіи М. П. Драгомановъ въ свое время еще не считалъ возможнымъ рекомендовать такую задачу.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находимся мы теперь.

Достаточно ознакомиться съ любымъ обзорніемъ украинской жизни для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что представители украинскаго національнаго движенія работаютъ теперь надъ организаціей и развитіемъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія среди украинскаго народа. На послѣднемъ кооперативномъ съѣздѣ, происходившемъ въ Петербургѣ, представители украинскихъ кооперативныхъ организацій могли играть уже очень видную роль. Вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ съѣздѣ выяснилось, что кооперативное дѣло въ Россіи можетъ развиваться только въ томъ случаѣ, если оно будетъ организовано не централистически, а федералистически, съ предоставленіемъ автономіи областямъ. Такая резолюція, дающая просторъ развитію украинскаго кооперативнаго движенія, и была принята на этомъ съѣздѣ. Конечно, въ этомъ направленіи остается еще очень много сдѣлать. Украинцы должны усвоить себѣ ту же систему организаціи и дѣятельности, которая примѣняется поляками въ Познани, и потому лучшимъ руководствомъ для нихъ можетъ служить недавно вышедшая въ русскомъ переводѣ книга Л. Бернгарда. Во всякомъ случаѣ, украинцы должны столько же заботиться объ экономической организаціи украинскихъ народныхъ массъ, какъ и объ ихъ духовной организаціи. Только благодаря этой всесторонней организаціи украинскій народъ превращается и неминуемо долженъ превратиться въ могучій и цѣльный національный организмъ.

IV.

Въ виду этихъ колоссальныхъ культурныхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ и осуществляетъ современное украинское національное движеніе, для всякаго украинца какъ-то странно прозвучалъ призывъ къ „идейной борьбѣ“ съ развитіемъ и ростомъ украинской культуры, недавно раздавшійся со страницъ одного изъ органовъ русской прогрессивной прессы. Нашу украинскую культуру хотятъ заключить въ предѣлы какой-то „скромной областной культуры“. Представители своеобразно понятой общерусской культуры присваиваютъ себѣ право и власть указывать намъ тѣ предѣлы, до какихъ можетъ простираться наша культурная дѣятельность и дальше которыхъ она не должна итти. Они налагаютъ запретъ на нѣкоторыя наши просвѣтительно-культурныя начинанія, объявляя ихъ вредными.

Итакъ, наше національное движеніе, весь смыслъ котораго заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что оно является проводникомъ наиболѣе передовыхъ гуманитарныхъ идей въ украинскія народныя массы, хотятъ загнать въ какой-то культурный не-то тупикъ, не-то уголь. Нашу украинскую культуру хотятъ лишитъ самыхъ высокихъ и цѣнныхъ общечеловѣческихъ элементовъ ея, хотя они главнымъ образомъ и придаютъ ей жизненность, и сообщаютъ ей способность конкурировать съ другими культурами. Наконецъ, что особенно непонятно, намъ совѣтуютъ или предписываютъ возможно больше суживать наши просвѣтительно-культурныя задачи и дѣятельность и въ то же время ставятъ намъ въ вину то, что мы будто бы партикуляристы.

Интересно было бы знать, въ первый ли разъ на страницахъ русскаго прогрессивнаго органа проповѣдуется „идейная борьба“ противъ извѣстнаго просвѣтительно-культурнаго движенія за его чрезмѣрную широту. Сознаемся, что мы рѣшительно отказываемся понимать, почему эта проповѣдь ведется подъ флагомъ идейности. Въдѣ если оцѣнить ее по ея подлинному смыслу и по тѣмъ губительнымъ результатамъ, которые она можетъ принести, то ее надо признать в е л и ч а й ш и м ъ в а н д а л и з м о м ъ не только нашего времени, но и всѣхъ временъ. Съ тѣми культурно-разрушительными задачами, которыя она выдвигаетъ, можетъ сравниться только культурно-разрушительная дѣятельность историческихъ вандаловъ. Было бы очень печально, если бы русская прогрессивная мысль послѣ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго, Толстого и,—опредѣляя коротко русскую общественную культуру,—послѣ манифеста 17-го октября дѣйствительно и серьезно додумывалась бы до такихъ вещей. Но мы лично склонны видѣть въ этомъ главнымъ образомъ прискорбное заблужденіе, которое объясняется очень плохой освѣдомленностью русскаго общества относительно истинныхъ культурныхъ стремленій украинскаго національнаго движенія.

Однако отъ русскаго читателя нельзя и не слѣдуетъ скрывать того, что многіе украинцы часто готовы усматривать здѣсь основной и глубокой порокъ самой русской культуры. Такія мысли и настроенія у многихъ представителей украинскаго національнаго движенія вызываются, конечно, системой принудительнаго обрусенія, уже давно

и такъ безпощадно проводимой по отношенію къ украинскому народу. На антикультурномъ, деморализующемъ вліянніи этой системы, являющейся однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ видовъ насилія надъ человѣческимъ духомъ, мы не считаемъ нужнымъ здѣсь останавливаться. Но вопросъ объ общемъ значеніи принудительнаго обрусенія имѣеть ближайшее отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу о самостоятельной украинской культурѣ. Къ тому же этотъ вопросъ вмѣстѣ съ другими былъ поставленъ передъ М. П. Драгомановымъ въ то время, когда онъ приступалъ къ изложенію своихъ идей на украинскія національныя задачи въ выше охарактеризованныхъ своихъ работахъ, и подробно былъ имъ въ нихъ разсмотрѣнъ. Представители чистаго антрополого-этнографическаго украинскаго націонализма выступили тогда съ утвержденіемъ, что обрусеніе есть специфическая черта великорусской культуры и что она выражается въ лозунгъ „самъ живи, но другимъ не давай жить“. М. П. Драгомановъ горячо протестовалъ противъ этихъ утверждений и употребилъ всѣ усилія на то, чтобы доказать ихъ неправильность. По его словамъ, „насколько намъ извѣстна исторія и теперешнее состояніе Европы, мы можемъ сказать, что не было и нѣтъ такой націи и національнаго государства, гдѣ бы не было и своего „обрусенія“, или не осталось его слѣдовъ и до сихъ поръ. Значить, системы, подобныя обрусенію, являются признакомъ не извѣстной національности, а извѣстнаго общественнаго уклада, который соотвѣтствуетъ извѣстному періоду въ развитіи народовъ. Обозрѣвая исторію всѣхъ культурныхъ народовъ, мы должны притти къ заключенію, что система обязательной національности есть такое же всемірное явленіе въ общественной жизни, какъ и система обязательной религіи“¹⁾. Всю четвертую главу своей книги М. П. Драгомановъ и посвящаетъ чрезвычайно интересному и, можетъ быть, единственному въ своемъ родѣ историческому очерку борьбы идеи общечеловѣческой культуры съ идеей исключительной и принудительной національности. Мы здѣсь не можемъ, конечно, даже кратко излагать содержаніе этого очерка и интере-

¹⁾ М. Драгоманов. Чудацькі думки, стр. 136. Разрядка вездѣ при надлежитъ автору.

сующихся этимъ вопросомъ отсылаемъ къ нему самому ¹⁾).

Что касается значенія обрусенія для Украины, то Драгомановъ доказываетъ, что обрусеніе въ концѣ-концовъ безсильно въ борьбѣ съ украинской національной культурой. Даже болѣе, по его словамъ, „истинно-научный, широкій взглядъ на исторію Украины долженъ былъ бы показать нашему обществу и чужимъ, какъ украинскія національно-областныя задачи фатально осуществлялись даже враждебными намъ правительствами и какъ прогрессъ цивилизаціи на Украинѣ даже въ чуждой ей формѣ приводитъ къ тому, чтобы подготовить почву для сознательнаго украинства. Этимъ путемъ лучше выяснилось бы и то, насколько быстрѣе и полнѣе Украина могла бы цивилизоваться сама и послужить всемірной цивилизаціи, при ея полномъ національномъ самосознаніи и автономіи, къ которымъ она не разъ рвалась и которыхъ она теперь можетъ достигъ только на пути къ всемірному прогрессу“ ²⁾). Въ доказательство своего утвержденія М. П. Драгомановъ указываетъ среди другихъ фактовъ особенно на основаніе трехъ университетовъ на территоріи Украины, хотя и запоздалое, такъ какъ основаніе университетовъ было предположено еще въ Гадячскомъ договорѣ, заключенномъ гетманомъ Быговскимъ въ 1658 г., но все-таки благодѣтельное для украинской культуры и украинскаго національнаго развитія.

Однако, конечно, излишній оптимизмъ въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстенъ. Надо прямо сказать, что нѣтъ болѣе большого, болѣе мучительнаго вопроса для каждаго украинца, чѣмъ вопросъ о принудительномъ обрусеніи. Наша дѣйствительность изобилуетъ такими уродливыми фактами насилія и гнета надъ „вольнымъ словомъ“ и духомъ нашего народа, а въ прошломъ у насъ такіе не скоро забываемые факты, какъ указъ 1876 г., который даже тогдашнее правительство не рѣшилось распубликовать во всеобщее свѣдѣніе, и запрещеніе украинскаго Евангелія, конфисковавшагося жандармами, какъ нелегальная книжка, вплоть до 1905 г., что было бы странно, если бы украинцы иначе относились къ этимъ благамъ современной общерусской культуры. Понятно, что и не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 117—238.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

давно раздавшійся выше охарактеризованный призывъ къ „идейной борьбѣ“ съ украинствомъ заставилъ украинцевъ осматриваться, не готовится ли какое-нибудь новое насилие надъ ихъ духовнымъ развитіемъ. Въ чемъ должна заключаться эта „идейная борьба безъ поблажекъ“, пока не указано тѣмъ публицистомъ, который ее пропагандируетъ; но заранѣе можно предсказать, что она можетъ привести только къ новой, можетъ быть, болѣе изысканной и утонченной и потому, по мнѣнію ея автора, болѣе дѣйствительной формѣ насильственнаго обрусенія. Впрочемъ, уже въ данный моментъ эта проповѣдь широко использована, какъ неожиданная поддержка изъ чужого лагеря, обрусительною прессою всѣхъ оттѣнковъ въ защиту старыхъ формъ принудительнаго обрусенія. Въ интересахъ не только культуры Россіи, въ какихъ бы національныхъ формахъ она ни выражалась, но и изъ личныхъ симпатій къ автору этой проповѣди и изъ уваженія къ его заслугамъ мы желали бы, чтобы это неудачное выступленіе его въ пользу „общерусской“ культуры не имѣло другихъ послѣдствій.

Отчего русское общество, хотя бы прогрессивное, въ своемъ полномъ составѣ не хочетъ предоставить намъ дѣйствительную свободу и просторъ работать надъ самымъ широкимъ развитіемъ нашей культуры? Вѣдь если какія-нибудь изъ нашихъ культурныхъ начинаній беспочвенны, то они погибнуть сами собой. Отчего вмѣсто проповѣди идейной борьбы съ нами, русское прогрессивное общество поголовно не считаетъ одной изъ своихъ основныхъ и насущнѣйшихъ задачъ борьбу противъ принудительнаго обрусенія, какъ одного изъ позорнѣйшихъ насилій надъ человѣческимъ духомъ? Казалось бы, русская культура поставлена въ такія благоприятныя условія, что ей нечего было бы опасаться конкуренціи съ украинской культурой при состязаніи въ положеніи равнаго съ равнымъ. Въ теченіе XIX столѣтія русская культура такъ упрочилась и расширилась, она завоевала столько новыхъ позицій, наконецъ, она всегда пользовалась и будетъ пользоваться такою громадною матеріальною поддержкой изъ государственнаго казначейства, что она хотя по необходимости и должна будетъ такъ или иначе уступить нѣкоторыя изъ своихъ теперешнихъ позицій украинской культурѣ, тѣмъ не ме-

нѣе сможетъ же и при полномъ равенствѣ условій дѣлать по крайней мѣрѣ столь же быстрые успѣхи, какъ и украинская культура. Во всякомъ случаѣ, русская культура имѣетъ всѣ шансы сохранить за собой и пріобрѣсти болѣе общее и мировое значеніе, чѣмъ будетъ имѣть какая-нибудь другая славянская культура. Неужели даже нѣкоторые представители прогрессивнаго русскаго общества такъ плохо вѣрятъ въ силу и мощь русской культуры? Неужели и они считаютъ необходимымъ поддерживать ея значеніе, ростъ и распространеніе насиліемъ?

Но намъ возражаютъ, что мы разъединители, насъ упрекаютъ въ томъ, что мы создаемъ „неслыханный расколъ“ въ русскомъ обществѣ и русскомъ культурномъ развитіи. Зачѣмъ же, однако, извращать факты? Развѣ существованіе трехъ русскихъ народностей не основной и первичный фактъ? Наша дѣятельность надъ возстановленіемъ, созданіемъ и развитіемъ украинской культуры, завѣщанная намъ всей исторіей Украйны и цѣлымъ рядомъ поколѣній украинскихъ культурныхъ дѣятелей, нашихъ предковъ, есть простое слѣдствіе этого основнаго и первичнаго факта. Правда, русская государственная власть уже давно признала этотъ основной фактъ упраздненнымъ. Но мало ли что въ официальныхъ бумагахъ объявляется упраздненнымъ и несуществующимъ! Съ какого времени представители русскаго прогрессивнаго общества вѣрятъ такимъ официальнымъ сообщеніямъ? Если вникнуть въ существо дѣла, то окажется, что не мы разъединители и не мы создаемъ расколъ, а разъединяютъ и раскалываютъ сторонники принудительнаго обрусенія Украйны, одинаково, какъ явные, такъ и тайные. Мы съ грустью констатируемъ, что принудительное обрусеніе ведетъ только къ усиленію въ украинскомъ движеніи галицко-украинскаго теченія, гораздо свободнѣе развивающагося въ конституціонной Австріи, и къ его преобладанію надъ приднѣпровско-украинскимъ теченіемъ, сдавленнымъ въ обрусительныхъ тискахъ. Вмѣстѣ съ галицко-украинскимъ теченіемъ въ украинскомъ движеніи усиливаются и нѣмецко-культурныя, и польско-культурныя вліянія, а одновременно, къ сожалѣнію, и ослабляется великорусское вліяніе. Такимъ образомъ, принудительное обрусеніе отдаляетъ насъ отъ наиболѣе родственнаго и симпатичнаго намъ великорусскаго народа, но въ этомъ виновато само русское общество.

V.

Обозрѣвая различныя отрасли украинской культуры и различныя виды украинской культурной дѣятельности, мы не касались второго по своему значенію и непосредственно слѣдующаго послѣ литературы органа и орудія всякой культуры—школы. Но всѣмъ хорошо извѣстно, что пока школа относится исключительно къ главѣ о принудительномъ обрусеніи Украйны, а не къ главѣ объ ея культурѣ. Это самый трагическій фактъ въ современной жизни украинскаго народа. Изъ событій послѣдняго времени можно указать на два обстоятельства, ярко иллюстрирующихъ положеніе этого вопроса въ настоящее время.

Прежде всего тотъ русскій прогрессивный публицистъ, о взглядахъ котораго на украинское культурное движеніе мы говорили выше, заявилъ, что онъ не беретъся прямо и опредѣленно рѣшить вопросъ о необходимости украинской народной школы, такъ какъ это вопросъ чисто педагогическій. Можетъ показаться, что этотъ отвѣтъ продиктованъ почтенной привычкой автора считаться при рѣшеніи всѣхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ съ научными данными и теоретическими аргументами. Но намъ онъ представляется просто не совсѣмъ искреннимъ, хотя, можетъ быть, и безсознательно. Вѣдь педагогическіе взгляды и системы бываютъ различныя. Русское общество, еще недавно пережившее прелести педагогическихъ системъ гр. Дм. Толстого и Побѣдоносцева и въ данный моментъ испытывающее блага педагогической системы Кассо, превосходно знаетъ это по собственному опыту. Поэтому представители русской общественной мысли никогда не отказывались прямо и опредѣленно рѣшать всѣ вопросы, касающіеся жизненныхъ интересовъ русской школы. Откуда же въ данномъ случаѣ явилась такая уклончивость и нерѣшительность? Не являются ли онѣ результатомъ пока еще не сознаннаго стремленія охранять захватные интересы? Въ такомъ случаѣ, внутренне это стремленіе оправдывается, конечно, тѣмъ, что положеніе народной школы на Украйнѣ разсматривается какъ естественное завоеваніе русской культуры, а не какъ насильственный захватъ принудительнаго обрусенія. Мы пока только ставимъ эти вопросы, но не рѣшаемся на нихъ отвѣчать. Будущее покажетъ, не выступятъ ли и среди русскаго прогрессив-

наго общества защитники той теоріи, которой придерживается теперь большинство поляковъ въ Галиціи въ борьбѣ съ тамошнимъ украинскимъ движеніемъ. Это теорія такъ-называемаго *stanu posiadania*; она заключается въ проповѣди того, чтобы ни въ какомъ случаѣ не отказываться отъ разъ когда бы то ни было приобрѣтеннаго, какъ бы ни было несправедливо самое приобрѣтеніе и какъ бы ни былъ неправомѣренъ титулъ обладанія. Есть уже признаки появленія защитниковъ этой теоріи и среди русскаго общества.

Затѣмъ другое несравненно болѣе важное и чреватое послѣдствіями обстоятельство, характеризующее положеніе народной школы на Украинѣ, произошло при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ закона о всеобщемъ обученіи. Во время этого обсужденія проф. Багалъй предложилъ допустить въ народныхъ школахъ Малороссіи преподаваніе русскихъ предметовъ на малорусскомъ языкѣ въ теченіе перваго года преподаванія; онъ аргументировалъ это предложеніе тѣмъ, что въ отдаленныхъ деревушкахъ и хуторахъ Малороссіи, въ „медвѣжьихъ уголкахъ“ ся, дѣти не понимаютъ по-великорусски. У каждаго украинца, несомнѣнно, сердце сжималось, когда онъ читалъ газетное сообщеніе объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, будемъ называть вещи собственными именами: то, что и какъ просилъ въ данномъ случаѣ проф. Багалъй, было просьбой милостыни. Конечно, мы далеко не культурные нищіе; объ этомъ свидѣтельствуетъ вышеизложенный краткій очеркъ современнаго состоянія нашей культуры. Но когда дѣло шло о духовно-голодныхъ дѣтяхъ нашего народа, надо было попробовать и попросить милостыню. Какъ отнесся Государственный Совѣтъ къ этой просьбѣ—извѣстно; большинство высказалось за поправку Пихно, чтобы съ перваго года преподаваніе въ школахъ Малороссіи производилось на русскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на просьбу куска черстваго хлѣба,—мы пока только о немъ и просили,—намъ протянули камень. Къ сожалѣнію, такія вещи, какъ и недавній еще отказъ намъ въ правѣ читать Евангеліе на родномъ языкѣ, долго не забываются.

Враги нашего культурнаго развитія, вѣроятно, торжествуютъ по поводу рѣшенія Государственнаго Совѣта. Теперь точка надъ і поставлена, нѣтъ больше двусмыслен-

ностей, намъ не будутъ уже дѣлать поблажекъ; слѣдовательно, неслыханный расколъ въ русскомъ обществѣ прекратится. Но истинно-культурныя движенія такъ легко не умираютъ. Если намъ не дали преподаванія на родномъ языкѣ, когда мы просили его какъ милостыни, мы получимъ его другимъ путемъ.

Этотъ путь самый естественный и правильный для нашего культурнаго движенія. Притомъ на этомъ пути никто и ничто не можетъ помѣшать намъ осуществить нашу культурную цѣль. На этотъ путь указалъ намъ еще М. П. Драгомановъ все въ тѣхъ же двухъ сочиненіяхъ, посвященныхъ разсмотрѣнію украинскихъ національныхъ задачъ. Прежде всего мы должны отмѣтить то, какъ М. П. Драгомановъ смотритъ на основную черту нашего литературнаго развитія. Вотъ его слова: „Принявъ во вниманіе, что литература существуетъ для людей, а не люди для литературы, что въ украинской литературѣ больше всѣхъ нуждается тотъ простой народъ, который никакого другого языка, кромѣ украинскаго, не знаетъ, и, наконецъ, что этотъ языкъ нашего простого народа есть основа и живой высшей украинской литературы, мы все-таки скажемъ, что главная работа нашихъ писателей должна заключаться въ выработкѣ нашей литературы снизу вверхъ. Популярная литература должна здѣсь занять широкое мѣсто“¹⁾. Тѣсно къ этому возрѣнію М. П. Драгоманова на украинскую литературу примыкаетъ и его взглядъ на борьбу за введеніе украинскаго языка въ школахъ Украйны. Относительно нея онъ говоритъ: „Такъ какъ изъ всѣхъ признаковъ національности самое большое значеніе имѣетъ языкъ, то представимъ себѣ, какъ можетъ пойти борьба за украинскій языкъ въ Россіи при самой минимальной политической свободѣ—правахъ личности и земской автономіи, которыя завоюютъ себѣ все-таки народы Россіи. Когда была бы отмѣнена предварительная цензура, то сами собой отпали бы и теперешнія препятствія для украинскихъ книгъ, преимущественно популярныхъ. Уже и теперь украинцы показали, что они могутъ издавать настолько цѣнные популярныя книги, что ихъ переводили и великороссы. По

¹⁾ М. Драгоманов. Листи на Наддніпрянську Украйну, стр. 190. Разрядка принадлежитъ автору.

такимъ примѣрамъ, которые мы видѣли въ 1874—76 гг., когда украинскихъ книгъ, изданныхъ и распространенныхъ небольшимъ кружкомъ, расходилось по 27,000 экземпляровъ въ годъ, тогда какъ всероссійскій офиціальныи комитетъ грамотности распространялъ только 42,000 экземпляровъ русскихъ популярныхъ книгъ на всю Россію, можно предполагать, что при минимальной свободѣ украинская популярная литература сдѣлала бы невозможной всякую конкуренцію съ нею на Украинѣ даже тогда, если бы въ школахъ осталось преподаваніе исключительно на русскомъ языкѣ. При одной свободѣ употреблять украинскій языкъ въ частныхъ школахъ даже при обязательности русской школы скоро обнаружилось бы, что въ украинскихъ школахъ дѣти скорѣе выучиваются читать и понимать книги даже русскія, чѣмъ при теперешнемъ порядкѣ. Это привлекло бы на сторону украинскихъ школъ народъ и земства, такъ что послѣднія начали бы вводить украинскій языкъ въ свои школы, а если бы законъ этому препятствовалъ, то добились бы отмены закона. Такъ въ какихъ-нибудь 5—10 лѣтъ одной силой педагогическихъ аргументовъ начальныя народныя школы сдѣлались бы у насъ національными, хотя изъ нихъ не былъ бы вытѣсненъ русскій языкъ, да, вѣроятно, и церковно-славянскій¹⁾.

Итакъ, сама жизнь заставитъ ввести украинскій языкъ въ школахъ на Украинѣ, какъ бы этому ни противодействовали явные и тайные враги нашей культуры. Всѣ указанія на то, что самъ нашъ народъ быстро усваиваетъ русскую культуру и не нуждается въ школѣ съ роднымъ языкомъ преподаванія, основаны на совершенно поверхностныхъ наблюденіяхъ. Указывающіе на это обыкновенно сами побывали въ какихъ-нибудь городахъ на территоріи Украины, побесѣдовали съ какимъ-нибудь дѣльнымъ городовымъ или дворникомъ изъ „сердца Украины“ и получили отъ него отвѣты на сносномъ русскомъ языкѣ. Но мы вовсе не претендуемъ на эти элементы; мы ихъ охотно уступаемъ русской культурѣ, и даже когда начнется массовая реассимиляція украинскихъ городовъ, они могутъ не возвращаться въ среду украинскаго народа.

1) М. Драгоманов. Чудацькі думки про українську національну справу, стр. 260.

Дѣло не въ отдѣльныхъ единицахъ, а въ народныхъ массахъ. Въ украинской деревнѣ помѣшать рецидиву безграмотности и возбудить дѣйствительный интересъ и любовь къ чтенію можетъ только книжка на украинскомъ языкѣ. Да и въ городахъ на территоріи Украины по преимуществу украинская книжка вызываетъ въ низшихъ слояхъ населенія воодушевленіе и жажду пополнять свое образованіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ-концовъ украинская книжка побѣдитъ. Но, конечно, надо признать, что это все-таки трудный обходный путь и, слѣдовательно, процессъ культурнаго подъема нашихъ народныхъ массъ искусственно замедляется.

Нашъ обзоръ культурной дѣятельности украинскаго національнаго движенія показалъ, что оно по своей подлинной сути, вскрытой М. П. Драгомановымъ, преслѣдуетъ общечеловѣческіе идеалы. Его цѣли совпадаютъ только съ цѣлями прогресса и роста просвѣщенія. По своей основѣ оно безусловно демократично, такъ какъ его главная задача—культурный подъемъ украинскихъ народныхъ массъ. Русское прогрессивное общество въ виду этого характера украинскаго національнаго движенія поголовно должно поддерживать его и стремиться уничтожить систему принудительнаго обрусенія, какъ историческій грѣхъ русской государственности. Напротивъ, тѣ изъ русскихъ прогрессивныхъ людей, которые проповѣдуютъ идейную борьбу противъ украинскаго національнаго движенія, должны знать, что никакими ухищреніями они не могутъ снять съ себя нравственной отвѣтственности за то насиліе надъ человѣческимъ духомъ, которое заключается въ принудительномъ обрусеніи.

А. Хатченко.